DOI: 10.24412/2470-1262-2026-3-118-138
УДК (UDK) 811.19

Haykanush A. Hovhannisyan,
NAS RA Institute of Language after H. Acharyan,
Yerevan, Armenia
https://orcid.org/iD- 0000-0003-2531-2182

For citation: Hovhannisyan Haykanush A. (2026).
Secular and Colloquial Elements in the Language of Ghazar Parpetsi's History of the Armenians and Letter to Vahan Mamikonian (5th Century).
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 11, Issue 3 (2026), pp.118-138 (in USA)

Manuscript received: 29/09/2026
Accepted for publication: 10/11/2026
CC BY 4.0

SECULAR AND COLLOQUIAL ELEMENTS IN THE LANGUAGE OF GHAZAR PARPETSI'S HISTORY OF THE ARMENIANS AND LETTER TO VAHAN MAMIKONIAN (5TH CENTURY)

МИРСКИЕ И РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТРУДАХ ЛАЗАРЯ ПАРПЕЦИ «ИСТОРИЯ АРМЕНИИ» И «ПОСЛАНИЕ К ВАГАНУ МАМИКОНЯНУ» (V ВЕК)

Abstract:

Aims and objectives: The aim of the study is to identify and analyze secular and colloquial elements in the works of Ghazar Parpetsi, History of Armenia and Letter to Vahan Mamikonian. The objectives include examining word-formation, morphological, and syntactic deviations from the norms of Classical Armenian (Grabar), as well as identifying elements of the Ararat and Gugark dialects.

Methodology and research methods: The study is based on a linguistic analysis of the original texts of Ghazar Parpetsi and their translations. Comparative, historical-linguistic, and grammatical methods were employed. The linguistic forms were compared with the norms of Classical Armenian (Grabar), Modern Armenian, and individual dialects.

Results: Numerous colloquial elements were identified in Parpetsi's works in word formation, verb forms, pronouns, conjunctions, prepositions, and syntactic constructions. Elements of the Ararat and Gugark dialects were also identified. The results confirm that the Armenian language of the fifth century was not homogeneous and that, alongside written Grabar, colloquial and regional varieties existed.

Theoretical contribution: The study refines existing understandings of the linguistic situation in fifth-century Armenia, the development of the Armenian language, and early dialectal differences.

Practical significance: The results may be used in the study of the history of the Armenian language, Grabar, Armenian dialectology, and the works of Ghazar Parpetsi.

Keywords: Armenian language, history of the Armenian language, Grabar, historical grammar, colloquial speech, dialect, Ararat dialect, Gugark dialect, Ghazar Parpetsi, History of Armenia, Letter to Vahan Mamikonian, secular elements

Аннотация:

Цели и задачи: Цель исследования – выявить и проанализировать мирские и народно-разговорные элементы в трудах Лазаря Парпеци «История Армении» и «Послание к Вагану Мамиконяну”.

Задачи включают рассмотрение словообразовательных, морфологических и синтаксических отклонений от норм грабара, а также выявление элементов Араратского и Гугаркского диалектов.

Методология и методы исследования:

Исследование основано на лингвистическом анализе оригинальных текстов Лазаря Парпеци и их переводов. Применялись сравнительно-сопоставительный, историко-лингвистический и грамматический методы. Языковые формы сопоставлялись с нормами классического грабара, современного армянского языка и отдельных диалектов.

Полученные результаты: В произведениях Парпеци выявлены многочисленные народно-разговорные элементы в словообразовании, глагольных формах, местоимениях, союзах, предлогах и синтаксических конструкциях. Установлено наличие элементов Араратского и Гугаркского диалектов. Результаты подтверждают, что армянский язык V века не был однородным и наряду с письменным грабаром существовали разговорные и региональные формы.

Теоретический вклад: Исследование уточняет представления о языковой ситуации в Армении V века, развитии армянского языка и ранних диалектных различиях.

Практическая значимость: Результаты могут использоваться при изучении истории армянского языка, грабара, диалектологии и творчества Лазаря Парпеци.

Ключевые слова: армянский язык, история армянского языка, грабар, историческая грамматика, разговорная речь, диалект, Араратский диалект, Гугаркский диалект, Лазарь Парпеци, «История Армении», «Послание к Вагану Мамиконяну», мирские элементы

Введение (Introduction)

Язык Лазаря Парпеци отличается от языка других авторов V века и обладает рядом характерных особенностей. Его произведения позволяют составить представление о состоянии армянского языка около 1600 лет назад и предоставляют ценный материал для изучения диалектных особенностей Араратской и Гугаркской областей. В настоящем исследовании рассматривается одна из наиболее примечательных черт языка Парпеци — наличие в его произведениях мирских, народно-разговорных элементов.

Литературный обзор (Literature Review)

По данному вопросу свои мнения высказывали литературоведы и языковеды Арсен Айтынян, Григор Халатян, Вараг Аракелян и другие исследователи.

Изучение языка Лазаря Парпеци показывает, что, несмотря на его общность с языком других авторов V века, он обладает рядом специфических особенностей, благодаря которым сохраняет свою индивидуальность. Язык Парпеци богат, гибок и разнообразен. По своему стилю различаются даже язык «Истории Армении» и язык «Послания к Вагану Мамиконяну». Особняком стоит и язык предисловия к «Истории Армении». Оно написано в соответствии с классическими нормами грабара, то есть древнеармянского литературного языка, практически без отклонений от установленной языковой традиции. Создаётся впечатление, что автор намеренно демонстрирует глубокое знание норм классического языка, тем самым показывая, что встречающиеся в других частях его произведений «отклонения» являются не следствием незнания, а осознанной особенностью его речи. В этом отношении показателен сформулированный в предисловии принцип:

«Ուր պիտոյ են յարմարութիւնք բանից, որոշեալ կարգադրութիւնք ըստ հրամանի կանոնեալ գիտութեանն»[2] — «Там, где требуется надлежащее построение речи, необходимы определённый порядок и расположение слов в соответствии с предписаниями установленного знания».

Следует отметить, что в предисловии Парпеци строго придерживается этих требований к построению и упорядоченности речи. Сам армянский текст подтверждается цифровым изданием «Истории Армении» Лазаря Парпеци, где данный фрагмент приводится именно в контексте рассуждений автора о требованиях к историческому повествованию.

Однако в других частях его произведений время от времени проявляются мирские, народно-разговорные элементы, которые, подобно отдельным вспышкам, выделяются на фоне классического грабара. Именно эти явления мы попытаемся выявить и представить вниманию филологов.

Для подтверждения высказанных положений примерами сначала приводится оригинальный армянский текст, поскольку без него рассматриваемые языковые явления не всегда могут быть поняты в полной мере, а затем даётся их перевод на русский язык.

Лазарь Парпеци родился в селе Парпи, в области Арагацотн, входившей в историческую провинцию Айрарат, от названия которого и происходит его прозвище Парпеци. Проведя там часть детства, он, естественно, усвоил особенности местной речи. Позднее его перевезли ко двору гугаркского бдешха, где он жил и учился, а впоследствии сблизился с Ваганом Мамиконяном. Пребывание в этой языковой среде также могло способствовать усвоению особенностей местного диалекта.

Не углубляясь далее в биографические подробности, отметим, что впоследствии Парпеци продолжил образование в Византии. Сам автор пишет: «Եւ իմ ըստ կարի պարապեալ յունական ուսմանցն»[3] — «И я, по мере своих возможностей, занимался изучением греческих наук».

Таким образом, наряду с местными языковыми традициями Парпеци испытал влияние греческого образования и культуры. Всё это, несомненно, оставило след в его языке и впоследствии нашло отражение в его произведениях.

[2] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — P. 61.
[3] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — P. 6.

«Ընդհանրապես գրաբար լեզուին մեջ մաքուր ու կոկ աշխարհաբար մը կը բանեցնէ շատ տեղ … շատ առոյգ և միանգամայն շատ գեղեցիկ ու զարդարուն է մեզի աւանդած աշխարհիկ լեզուն»[4] — «Вообще, в грабаре он во многих местах употребляет чистый и отточенный ашхарабар [новоармянский язык. — А. О.]… Переданный им мирской язык очень живой и вместе с тем очень красивый и выразительный», — пишет языковед Арсен Айтынян.

Конечно, это не означает, что грабар Парпеци прост и легко воспринимается читателем.

Прежде чем перейти к анализу мирских языковых явлений, необходимо кратко разъяснить значение выражения мирский, или ашхарабар. Значение термина грабар, то есть древнеармянский письменный язык, общеизвестно. Это древний литературный язык армян, дошедший до нас благодаря многочисленным письменным памятникам. Для разграничения письменной и устной речи он получил название грабар, то есть буквально язык письменности, письменный язык.

В народной речи распространено выражение «Գրյանքի լեզվով կխոսիս» — «Ты говоришь на книжном, письменном языке». Такое понимание основывается на простой народной этимологии.

Поскольку грабаром преимущественно пользовались представители духовенства, то есть люди, удалившиеся от мирской жизни, для них всё, что находилось за пределами церковной среды и монастырской кельи, воспринималось как мирское. К этой сфере относились и народные говоры.

Результаты и обсуждения (Results and Discussion)

Мирские отклонения от норм грабара в трудах Лазаря Парпеци проявляются в словообразовании, морфологии и синтаксисе, затрагивают склоняемые и несклоняемые части речи, а также отдельные языковые конструкции. Рассмотрим эти отклонения последовательно.

1. Словообразовательные отклонения

Как известно, в классическом грабаре множественное число существительных образуется с помощью окончания «-ք». Однако в трудах Парпеци пять раз встречается форма множественного числа с показателем «-եր», характерным для современного армянского языка: «բաներ» (с. 119), «Հայերդ» (с. 152), «զՀայերն» (с. 162), «զհարկերն» (с. 85), «զձեռներն» (с. 200).

В «Истории Армении» епископа Ухтанеса также встречается форма «զ…բաներ»:

«Զիա՞րդ զայսպիսի բաներ մահաբեր սուտ գրէ առ մեզ»[5] — «Как он пишет нам подобные смертоносные и лживые вещи?»

Однако этот пример относится уже к X веку.

Встречаются и другие способы образования множественного числа существительных, которые не вошли в современный литературный армянский язык, но сохранились в отдельных диалектах. К ним относятся образования с формантами «-

[4] Aytinian, A. *Critical Grammar of Ashkharhabar, or the Modern Armenian Language*. — Vienna, 1866. — P. 59.
[5] Ukhtanes, Bishop. *History of Armenia. Part Two*. — Vagharshapat, 1871. — P. 101.

տի», «-ոտի», «-իք», «-անի», «-եան», «-ան»: «բրդեան», «գործեան» (с. 160), «գրեան» (5 случаев), «թղթեան» (с. 68), «իշավարեան» (с. 123), «մանկտի» (6 случаев), «ոսկրոտի» (с. 102), «այծիք» (с. 41, 127), «երիցանի» (с. 94), «ձիան» (с. 159).

Наблюдается также выпадение конечных звуков: гласного «ի» и согласного «ն». Например: «տեղի – տեղ» (с. 29), «բանակատեղի – զբանակատեղս» (с. 60), «կռուատեղի – կռուատեղն» (с. 141), «կողմն – կողմ» (с. 33)[6]

Иногда в качестве средства словосложения используется союз «ու» — «и». У Фавстоса Бузанда этот союз также встречается при соединении частей предложения. Например: «աղուհաց» (с. 28), «այրուձի» (26 случаев); параллельно употребляется форма «այրևձի» (6 случаев).

Многие слова, представленные в словаре «Նոր Հայկազեան բառարան», засвидетельствованы именно в произведениях Парпеци.

2. Образование сравнительной степени прилагательных

Наряду с классическим способом образования сравнительной степени прилагательных у Парпеци встречаются конструкции со словом «շատ» — «очень, много». Такие употребления достаточно многочисленны и, по-видимому, представляют устойчивую особенность его языка. Например: «շատ աւելի» — «гораздо больше», «շատ հեռի» — «очень далеко», «շատ նուազ» — «значительно меньше», «շատ վատթար» — «намного хуже», «շատ լավ» — «очень хорошо», «շատ ծանր» — «очень тяжело», «շատ անգամ» — «много раз», «անվստահ շատ» — «очень неуверенно» и др.

3. Отклонения в употреблении глаголов

Для исследования особенностей употребления глагольных форм произведения Парпеци предоставляют обширный материал.

«История Армении» является историко-художественным произведением, в котором присутствуют характерные признаки этого жанра: многочисленные диалоги, психологический анализ и индивидуализация речи действующих лиц. Повествованию Парпеци свойственны черты народного рассказа. В подобных случаях автор использует форму, известную как историческое настоящее: действие происходило в прошлом, однако передаётся формами настоящего времени.

«Երթայ ի վանս բազմութեան եղբարց և ընկալեալ զկերպարան վանականութեան՝ լինէր ընտիր յամենայնի և երևելի, հրաժարէր յամենայն աշխարհազբոս երկրաւոր զբաղմանց»[7] — «Идёт в монастырь, к сонму братии, и, приняв образ монашества, становится во всём избранным и выдающимся, отказывается от всех мирских земных занятий».

Подобная манера характерна для народного повествования и, в частности, для языка сказок и устных рассказов.

В тех случаях, когда повествование развивается посредством размышлений одного из действующих лиц или диалога, в языке Парпеци обнаруживается явление, которое практически не встречается в Библии и у других авторов V века либо

[6] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — Pp. 29, 33, 60, 141.
[7] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — P. 13.

представлено у них лишь единичными примерами. У Парпеци же оно употребляется регулярно и имеет распространённый характер. Речь идёт о формах глагола настоящего или прошедшего несовершенного времени, которые выражают не собственно временное значение, а значение условности или желательного действия, относящегося к будущему.

Подобные конструкции часто употребляются с союзами «յորժամ», «երբ» — «когда». Значение условности может выражаться двумя способами: посредством конструкции, характерной для условного предложения, с союзами «թէ», «եթէ … ապա» — «если», «если … то», либо непосредственно значением самой глагольной формы. Например: «Բայց թէ արդարև դու կենդանութեամբ զգլուխդ ի վերայ ուսոցդ ի Հայս տանիս՝ ապա ընդ իս տեառն աստուծոյ չէ խօսեցալ» [8] — «Но если ты действительно живым донесёшь свою голову на плечах до Армении, значит, Господь Бог со мной не говорил». «Յորմէ թէ զմի մասն Հոնաց տամ տանել, անտի այնպիսի սաստիկ հանեմ Հոնս, որչափ հողն Պարսից չբաւիցէ նորա յաւարի» [9] — «Если я дам отвести одну часть войска к гуннам, то оттуда подниму такое множество гуннов, что земли Персии не хватит для их грабежа». «Եթէ ոչ ուրեք ունէին նոքա յայլուստ օգնականութեան յոյս զայնպիսի բանդ ի միտս իւրեանց նկատել չիշխէին, թող թէ նամակաւ առ ձեր թագաւորութիւնդ առաքել»[10] — «Если бы они не имели надежды получить помощь откуда-либо ещё, то не осмелились бы даже помыслить о подобном, не говоря уже о том, чтобы послать письмо Вашему Величеству».

Ещё отчётливее проявляется значение желательного наклонения. При сопоставлении подобных форм в произведениях Парпеци с современным армянским языком становится заметно, что существенных различий в их конструкции и значении практически нет. Глагол, формально находящийся в настоящем или прошедшем несовершенном времени, может выражать действие, которое ещё не совершилось, а лишь предполагается или желательно в будущем. «Եվ յորժամ Հայք սրտիւ մեր լինին՝ Վիրք և Աղուանք այնուհետև մեր իսկ են»[11] — «И когда армяне всем сердцем будут с нами, тогда и иберы, и албаны будут нашими».

«Եվ այս կատարի մեզ յՍտուծոյ, յորժամ ցուցանեմք զմեզ Քրիստոսի մի մարմին և մի հոգի»[12] «И это исполнится для нас по воле Бога, когда мы явим себя единым телом и единым духом Христовым». «Զի եթէ ի մարդոյ ընկալեալ էր զարդար վարդապետութիւնն, զոր հաստատեալ է ի մտի իմ, գիտէի թէ ճշմարիտ են և ուրանայի, ողորմելի զանձն համարէի»[13] — «Ибо если бы это истинное учение, утвердившееся в моём сознании, было принято от человека и, зная, что оно истинно, я отрёкся бы от него, то счёл бы себя достойным сожаления». «Հանդերձ Վրօք թերևս

[8] Ibid. — P. 83.
[9] Ibid. — P. 46.
[10] Ibid. — P. 44.
[11] Ibid. — P. 47.
[12] Ibid. — P. 49.
[13] Ibid. — P. 119.

կորող լինէաք առ սակաւ մի աշխատ առնել զՊարսիկս»[14]— «Вместе с иберами, возможно, мы могли бы несколько потревожить персов».

Сопоставим ещё один фрагмент из «Истории Армении» Парпеци с отрывком из произведения, написанного в XX веке на современном армянском языке:

«Արդ, թէ դուք ի դաշտն չիջնեք, և Հոն գունդքն ի վեր ի յաշխարհէն չշարժին ուրեք, և Միհրան դառնայ և Վիրս աւերէ՝ ինձ զձեր եկք զի՞նչ օգուտ է»[15] — «Итак, если вы не спуститесь на равнину, если гуннские войска не двинутся из страны, а Мигран вернётся и разорит Иберию, то какая мне польза от вашего прихода?»

«Արի գնանք, հանեմ տամ քեզ,

Էնքան ուտես, էնքան ուտես…

Թե չլնի ու սուտ դուրս գամ

Ես հո էստեղ միշտ կամ ու կամ:»[16]

Последняя часть приведённого отрывка Парпеци по своей структуре имеет вполне современное звучание: «Какая мне польза от вашего прихода?»

Это явление представляет собой одну из наиболее характерных особенностей языка Парпеци.

Изучение оригинальных и переводных произведений авторов V века показывает, что у Фавстоса Бузанда, Езника Кохбаци и Егише также встречаются подобные конструкции, однако случаи их употребления единичны и преимущественно выражают условность. У Парпеци такие формы употребляются систематически и передают как условное, так и желательное значение.

Чтобы не перегружать исследование многочисленными примерами, отметим, что подобных случаев у Парпеци достаточно много и по частоте они не уступают формам, образованным посредством сослагательного наклонения.

Говоря о подобных конструкциях V века, Арсен Айтынян отмечает прежде всего их временное, то есть будущее, значение, не выделяя отдельно значение желательности.

Исследование данного явления позволяет предположить, что уже в эпоху классического грабара наряду с основными глагольными формами существовал народно-разговорный семантический вариант употребления форм настоящего и прошедшего несовершенного времени.

Особого внимания заслуживает ещё одна конструкция, особенно характерная для языка Парпеци. Речь идёт о глагольных формах со словом «պիտի» — «надо, должно», выражающих значение долженствования. В классическом грабаре подобное значение передавалось и другими средствами. Наряду с безличными конструкциями «պարտ է», «հարկ է», «պիտոյ է», «անկ է» Парпеци употребляет также слово «պիտի».

Например: «Արեաց տէր որ լինի արդար աչօք պիտի նայել ամենայն մարդ իբրև զթագաւոր»[17]—“ «Правителю ариев надлежит справедливо смотреть на каждого

[14] Ibid. — P. 133.
[15] Ibid. — P. 133.
[16] Tumanyan, H. *Collection of Poems*. Vol. 1. — Yerevan, 1988. — P. 389.
[17] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — P. 136.

человека, как подобает царю». «նմա որպէս կովու, բայց եթէ անուր ևեթ պիտի արկանել»[18] — «На него, как на корову, остаётся только надеть ярмо».

Встречается также один случай постпозитивного употребления: «Արդ փութալ ևեթ պիտի» [19] “— «Теперь следует лишь поспешить».

Ещё одной особенностью языка Парпеци является употребление неопределённой формы глагола, то есть инфинитива, в функции сказуемого.

Как известно, ни в классическом грабаре, ни в араратском диалекте, который впоследствии стал одной из основ восточноармянского литературного языка, инфинитив сам по себе или в сочетании со вспомогательным глаголом обычно не образует личной глагольной формы. Здесь не имеются в виду безличные побудительные конструкции, например «Լռե՛լ» — «Молчать!», «Չխոսե՛լ» — «Не разговаривать!» и др. Однако в «Истории Армении» инфинитив встречается как со вспомогательным глаголом, так и без него. В подобных конструкциях субъект действия может быть выражен дательным падежом.

Например: «Խորհէին և զայս ևս և Աստուծոյ մկրտութեամբ, մնալ մարզպանին Սահակայ և սպարապետին Հայոց Վահանայ Մամիկոնեի»[20] — «Рассуждали также и о том, чтобы, с Божьей помощью, Саак остался марзпаном, а Ваган Мамиконян — спарапетом Армении». «Ինձ յուսալ ի մարդ կամ պարծել մարդով՝ քաւ լիցի»[21]— «Да не будет того, чтобы мне надеяться на человека или хвалиться человеком». «Խնդրեմք յԱստուծոյ զգալ ձեր ի թմրութենէ անգիտութեանդ այդորիկ, թող թէ մեզ նմանել ձեզ»[22] — «Просим Бога, чтобы вы пробудились от этого оцепенения невежества; тем более не нам уподобляться вам». «Թէ լոկ միայն մարմնոյ աշխատութեամբ և մահուամբ էր կրել զայս ամենայն համայն ծանր էր և դառն և արժանի լալոյ»[23] — «Если бы всё это пришлось переносить лишь телесными страданиями и смертью, то это было бы тяжело, горько и достойно плача».

«Արդ եթէ էր տանել առ բժիշկ առողջ զվիրաւոր եկեղեցւոյ իմոյ զոչխար՝ փութայի և ոչ յապաղէի»[24] — «Итак, если бы нужно было отнести раненую овцу моей церкви к врачу, я поспешил бы и не медлил».

В последних двух предложениях инфинитивные конструкции по своему значению близки конструкциям современного армянского языка, в которых соответствующее глагольное значение выражается сочетанием изменяемой формы вспомогательного глагола «быть» и формы другого глагола. Например: «Եթե մահվամբ կրելու լիներ, կամ եթե տանելու լինեի…».

Исследование показывает, что подобные конструкции характерны для гугаркского диалекта, распространённого в той области, где Лазарь Парпеци провёл часть детства и юности и где мог испытать влияние местной речи. В качестве параллели можно привести высказывание учительницы, уроженки Тавуша (бывшего

[18] Ibid. — P. 127.
[19] Ibid. — P. 142.
[20] Ibid. — P. 122.
[21] Ibid. — P. 152.
[22] Ibid. — P. 106.
[23] Ibid. — P. 51.
[24] Ibid. — P. 21.

Шамшадинского района): «Ինձ էր ասել, ես արել էի: Ինձ ասեր, ես կանեի» — «Сказала бы мне — я бы сделала». Этот пример из живой народной речи подтверждает устойчивость подобной конструкции.

Влиянием разговорной речи, вероятно, можно объяснить и постпозитивное употребление отрицательных частиц «ոչ» и «չ-» при глаголах. «Զոր լոկ բանիւ անգամ ասել ոչ կարեմք, քանզի և կամիմք իսկ ոչ»[25] — «Этого мы не можем даже выразить словами, поскольку и сами того не желаем». «Բնաւ յիշեմ իսկ ոչ»[26] — «Совершенно не помню».

С подобным постпозитивным употреблением «ոչ» связана и известная шутка: «կրակեեել որ՛չ» — «Не стрелять». Пока отдающий приказ произносит отрицательную частицу в конце высказывания, исполнители уже могут успеть открыть огонь. «Մեր ոչ միայն զի անցուցեալ չէ և վնասեալ զկրակն այլև մեծարեալ է զնա»[27] — «Мы не только не погасили и не уничтожили огонь, но, напротив, почтили его». «Բնաւ և ծնեալ իսկ չէր զիս մօր իմոյ յայս աշխարհիս» [28] “— «Лучше бы моя мать вовсе не родила меня в этот мир». «Որոյ բնաւ տեսեալ չէր զգործ պատերազմին» [29] — «Который прежде совершенно не видел военного дела».

С точки зрения норм классического грабара ожидались бы формы «ոչ է անցուցեալ», «ոչ էր ծնեալ», «ոչ էր տեսեալ».

Следует также обратить внимание на образование результативных форм прошедшего времени. Наряду с традиционными формами грабара у Парпеци встречаются образования с суффиксом «-ած», характерным для современного литературного армянского языка. Это также является одной из особенностей его языка. Например: «ասացածն» (с. 125), «ասացածի» (с. 167), «զգածած» (с. 188), «զգծած» (с. 62), «թրքածս» (с. 56), «հաստատուածս» (с. 80).

Значительную группу составляют глагольные конструкции со словом «թող» — «пусть», имеющие побудительный оттенок. В данном случае речь идёт не о глаголе «թողուլ» — «отпускать».

Например: «Թող կեան» — «пусть живут», «թող գիտասցուք» — «пусть узнаем», «թող զերծաիմք» — «пусть освободимся», «թող մեզ լինի հարձակել» — «пусть нам будет позволено наступать», «թող նստի» — «пусть сидит» и др.

Особого внимания заслуживают также временные формы, образованные с глаголами «կամ» — «быть» и «ունիմ» — «иметь», когда они выполняют функцию вспомогательных глаголов. Такие конструкции выражают состояние и одновременно имеют временное значение, образуя сложные глагольные формы: «տեսեալ կամ», «գրեալ կայ», «հասեալ կայ», «միացեալ ունիմ», «կատարեալ ունէր» и др. В определённой степени это можно сопоставить с языками, в которых глагол со значением «иметь» используется при образовании сложных временных форм.

[25] Ibid. — P. 45.
[26] Ibid. — P. 115.
[27] Ibid. — P. 68.
[28] Ibid. — P. 78.
[29] Ibid. — P. 119.

4. Отклонения в других частях речи

В классическом грабаре вместо современного подчинительного союза «որ» — «что» преимущественно употребляется союз «զի», способный передавать значения нескольких союзов. Однако в произведениях Парпеци достаточно свободно используется и союз «որ» именно в значении современного подчинительного союза «что», связывающего главное предложение с придаточным. Это особенно заметно в сложных и распространённых предложениях автора. Союз «որ» в данном значении встречается 97 раз, что позволяет предположить его широкое распространение в разговорной речи V века.

Иногда союз «թէ» — «что» также употребляется в значении, близком современному, выражая оттенок предположительности или неполной уверенности.

«Պատմէին և վասն զօրագլխացն , թէ Մուշկան Նիւսալաւուրտն և Դողվճն են»[30]— «Рассказывали также о военачальниках, что это Мушкан Нюсалавурт и Догвч».

В грабаре союз «թէ» прежде всего участвовал в построении условных предложений. Здесь же он приобретает значение, близкое его употреблению в современном армянском языке, когда передаётся не вполне достоверная или предположительная информация. Сравним: «Դու ասացիր, որ կգաս» — «Ты сказал, что придёшь» (утвердительное сообщение); «Դու ասացիր, թե կգաս» — «Ты сказал, что придёшь» (с оттенком сомнения или передачи чужой речи). В русском языке данное различие посредством союзов обычно не выражается.

У Парпеци встречаются также наречные формы «նոր» — «только что», «շատ անգամ» — «много раз», а также «գամ» в сочетании «գամ մի» вместо «անգամ» — «раз». В данном случае «գամ» не связано со значением «гвоздь». «Զոր նոր խաղարար և առիթ բարւոյ այնպիսի աշխարհի միոյ առաքեալ է»[31] — «Который только что был послан как миротворец и как источник блага для такой страны». «Ըստ օրինի վաճառականութեան շատ անգամ ճանապարհորդեալ էր ի Հայս» [32] — «По торговым делам он много раз путешествовал в Армению».

«Որ գամ մի յիմ իշխանութեանն է»[33]

— «Который однажды оказался в моей власти».

Следы народно-разговорной речи обнаруживаются и в употреблении некоторых предлогов в функции послелогов. К ним относятся «առաջի» — «перед», «մօտ» — «около», «նման» — «подобно»: «որոյ առաջի» — «перед которым», «զիւր առաջի» — «перед ним», «որոց առաջի» — «перед которыми», «ձեր առաջի» — «перед вами», «Արեաց առաջի» — «перед ариями», «առ նոքօք մօտ» — «вблизи них», «զսոցին նման» — «подобный этим», «նոցա իսկ նման» — «подобный им» и др.

Существительное «շնորհ» — «милость, благодать» в форме творительного падежа приобретает значение послелога и четырежды употребляется в значении

[30] Ibid. — P. 169.
[31] Ibid. — P. 167.
[32] Ibid. — P. 94.
[33] Ibid. — P. 111.

«благодаря»: «մխիթարութեան շնորհիւ» — «благодаря утешению» (1 случай), «սուրբ Հոգւոյն շնորհիւ» — «благодаря Святому Духу» (3 случая).

Послелог современного армянского языка «մասին» — «о, об», вместо которого в классическом грабаре обычно используются «յաղագս» и «վասն», у Парпеци один раз встречается в значении, близком современному:

«Ահա արդ և մեծի մասին ձերոյ անձանձրոյթ խնդրելով՝ զիս անարժանս արժանի արար շնորհ սուրբ Երրորդութեանն» [34] — «И вот теперь, благодаря вашей неустанной молитве, благодать Святой Троицы сделала меня, недостойного, достойным».

В данном употреблении можно усмотреть и определённый модальный оттенок.

В тех конструкциях, где по нормам классического грабара ожидалось неопределённое местоимение «ոք» — «кто-либо», у Парпеци встречаются также существительные «անձ» — «лицо, человек» и «մարդ» — «человек». Последнее в отдельных случаях употребляется параллельно со словом «այր» — «мужчина», что позволяет разграничивать соответствующие значения. «Ամենայն անձն երկիւղիւ և կամաւ լսէր հրաման նորա»[35] — «Каждый человек со страхом и по собственной воле повиновался его приказу». «Լինէր ամենայն մարդ ի կամաւոր լսօղացն վառեալ»[36] — «Каждый человек из числа добровольно повиновавшихся был воодушевлён».

С точки зрения классического грабара в подобных конструкциях ожидалась бы форма «ամենայն ոք» — «каждый, всякий».

Особого внимания заслуживает и словосочетание «առն եղեալ որդի», в котором форма «առն» употребляется в значении «человек».

«Եվ ես անպիտանս … երևիցիմ առաջի տեառն, առն եղեալ որդի, իբրև զանզգամ…» [37]

— «И я, недостойный, являюсь пред Господом, будучи сыном человеческим, словно неразумный…»

В данном случае сочетание употребляется в значении «մարդու որդի» — «сын человеческий». Значение этого словосочетания более подробно рассматривалось нами в исследовании «Ղազար Պարպեցու «Թուղթ առ Վահան Մամիկոնեան (Մեղադրութիւն ստախօս աբեղայից)» գործում եղած մի քանի արտահայտությունների պարզաբանումներ» — «Разъяснение некоторых выражений в «Послании к Вагану Мамиконяну» Лазаря Парпеци». В этих случаях наблюдается параллельное употребление слов со значениями «мужчина» и «человек».

Отклонения обнаруживаются и в системе местоимений. Относительное местоимение «որ» под вопросительным ударением у Парпеци приобретает функцию вопросительного местоимения.

[34] Ibid. — P. 104.
[35] Ibid. — P. 150.
[36] Ibid. — P. 71.
[37] Ibid. — P. 187.

«Ո՞ր պատրանօք … դիմեցէք յայնպիսի ահաւոր գործ».[38]

— «С каким расчётом [или: под влиянием какого заблуждения] вы решились на столь ужасное дело?»

В классическом грабаре в данном случае ожидалась бы форма «ո՞յր».

Подобные употребления встречаются неоднократно. Есть также случай, когда относительное местоимение «որ» употреблено в форме, практически совпадающей с современной:

«Որոնց ընդ տապալել վիրաւորացն կործանէին նաւքն»[39] — «Когда раненые падали, вместе с ними опрокидывались и суда».

Возможно, данная форма является результатом переписческой ошибки, однако, поскольку она зафиксирована в тексте, её необходимо учитывать. С точки зрения классического грабара ожидалась бы форма «որոց». Контекст этого эпизода подтверждает именно значение опрокидывания судов при падении раненых.

Широко употребляется у Парпеци и слово «ուր» — как под вопросительным ударением, так и без него. В классическом грабаре вопрос «куда идёшь?» обычно оформлялся бы не как «ու՞ր երթաս», а как «յո՞ երթաս».

В произведениях Парпеци, особенно в «Истории Армении», встречаются не только отдельные грамматические формы, но и целые словосочетания и предложения, по своей структуре близкие современному армянскому языку. Таких примеров достаточно много. Ограничимся несколькими из них:

«Թէպէտ մեղաւոր է» — «Хотя он грешен».

«Քանի՞ աշխարիք են» — «Сколько стран?»

«Չմոռացաւ աստուածային տեսչութիւնն» — «Божественное провидение не забыло».

«Մեք զձեզ թագաւոր գիտեմք» — «Мы признаём вас царём».

«Ամենայն անձն … լսէր հրամանի նորա, իբրև թագաւորի» — «Каждый человек … повиновался его приказу, как приказу царя».

«Սիւնեաց տէր չես» — «Ты не владетель Сюника».

«Ինձ զձեր եկք զի՞նչ օգուտ է» — «Какая мне польза от вашего прихода?» Эта конструкция действительно зафиксирована в тексте Парпеци.

«Ի մարդկանէ ոչ ոք էր որ օգնէր նոցա» — «Среди людей не было никого, кто помог бы им».

«Դիմեցին ի տուն մոխրանոցին, չմնալով աւագացն հրամանի» — «Они направились к дому, не дожидаясь приказа старших».

«Շատ լաւ է մի օր ծանուցանել զլաւութիւն անձին և մեռանել» — «Лучше хотя бы один день явить достоинство своей личности и умереть».

В последнем примере примечателен также порядок слов: сочетание «մի օր» соответствует современному расположению определительного и определяемого компонентов.

[38] Ibid. — P. 8.
[39] Ibid. — P. 66.

Сопоставление приведённых фактов с нормами современного литературного армянского языка позволяет составить определённое представление о грамматических особенностях Араратского диалекта V века и обозначить его основные черты.

Таким образом, в языке Парпеци можно выделить следующие особенности:

1. Образование множественного числа существительных с помощью формантов «-եր», «-եան», «-տիք», «-անի», «-նի».
2. Падежные изменения в системе склонения.
3. Словообразование и словосложение с помощью союза «ու».
4. Выпадение конечного гласного «ի» и согласного «ն» в словах, в более ранней форме которых эти звуки сохранялись.
5. Частое отсутствие предлога «զ», являвшегося показателем винительного падежа.
6. Образование сравнительной степени прилагательных с помощью слова «շատ».
7. Наличие форм с желательным значением и форм, выражающих будущее действие посредством настоящего или прошедшего несовершенного времени.
8. Образование конструкций со значением долженствования с помощью слова «պիտի».
9. Образование результативных форм прошедшего времени с помощью суффикса «-ած».
10. Отклонения в системе местоимений.
11. Употребление подчинительного союза «որ».
12. Употребление союза «թէ» в значении, близком современному значению предположительности или неуверенности.
13. Употребление предлогов в функции послелогов.
14. Наличие многочисленных народно-разговорных слов и форм с народным произношением, например: «սանտր» — «расчёска», «կենսատուր» — «животворный», «քարաժեռ» — «утёс», «ոսկրոտի» — «кости» и др.

Заключение (Conclusion)

Если к перечисленным особенностям добавить отдельные элементы, характерные для гугаркского диалекта и встречающиеся в произведениях Парпеци, то совокупность этих фактов позволяет прийти к важному заключению: грабар в V веке не был однородным и единственным языком армянского общества.

А. Айтнян, исследуя произведения авторов V века, также приходила к важному выводу о том, что параллельно с грабаром существовал народно-разговорный армянский язык, обладавший собственной грамматической структурой и отличавшийся от письменного грабара.

«Ո՞վ կըրնա հաստատել՝ թէ ճոխ նախարարաց ամրոցներուն մեջ նոյն ոճն ու նոյն լեզուն կհնչէր՝ ինչ որ հանդարտիկ խաղաղասէր ընտանեաց խոնարհ երդերուն տակ»[40]— «Кто может утверждать, что в роскошных замках нахараров звучали тот же стиль и тот же язык, что и под скромными кровлями тихих, миролюбивых семей?» — пишет он.

[40] Aytinian, A. *Critical Grammar of Ashkharhabar, or the Modern Armenian Language*. — Vienna, 1866. — P. 59.

К этому следует добавить, что различия существовали не только между речью представителей знати и простого народа. В силу географической разобщённости различных областей одинаково не говорили и сами представители одного социального слоя, проживавшие в разных регионах. Тем более письменный литературный язык должен был в определённой степени отличаться от живой устной речи.

Однако Вараг Аракелян придерживался иной точки зрения. Он полагал, что в эпоху грабара именно грабар являлся всеобщим разговорным языком и что Месроп Маштоц положил этот язык в основу армянского письменного языка.[41]

В таком случае возникает вопрос о том, как следует понимать свидетельства Корюна, Мовсеса Хоренаци и Лазаря Парпеци, в которых упоминаются «խեցբեկուն բարբառներ, լեզուներ» и другие особенности местной речи, требовавшие приспособления обучения к языковой ситуации отдельных областей.

Позицию Арсена Айтыняна развивает и обосновывает академик Геворг Джаукян:

«Գրաբարը, ինչպես ամեն մի լեզու, իր սկզբնավորման ժամանակ իր հիմքում ունեցել է այդ ժամանակի “աշխարհիկ խոսքը”, խոսակցական լեզուն» [42] — «Грабар, как и любой другой язык, в период своего формирования имел в своей основе “мирскую речь”, разговорный язык своего времени».

В труде «Հայոց լեզվի զարգացումը և կառուցվածքը» — «Развитие и структура армянского языка» — Геворг Джаукян, рассматривая недостатки традиционных лингвистических и арменоведческих представлений, отмечает:

«Գրական, մասնավորապես հին գրական լեզուն նույնացնում են ընդհանրապես լեզվի հետ, գրական լեզուն ոչ թե համարում են լեզվի զարգացման տվյալ փուլի ընդհանուր լեզվի մշակված վիճակը, որ այս կամ այն չափով կարող է հեռանալ իր խոսակցական հիմքից [նայած մշակման բնույթի] այլ նույնացնում են տվյալ շրջանի ողջ խոսակցական լեզվի հետ»[43] — «Литературный, в особенности древний литературный язык, отождествляют с языком вообще; литературный язык рассматривают не как обработанное состояние общего языка данного этапа его развития, которое в той или иной степени может отдаляться от своей разговорной основы (в зависимости от характера обработки), а отождествляют со всей разговорной речью данного периода».

Это уже аргументация одного из крупнейших армянских языковедов XX века.

Для подтверждения высказанной мысли обратимся к более позднему периоду истории армянского языка — XII–XIII векам. Крупнейшие деятели этой эпохи, в частности выдающийся врач Мхитар Гераци и Смбат Спарапет — военачальник, государственный деятель и брат киликийского царя Гетума I, — осознавали всё возрастающее отдаление грабара от живой речи народа. Поэтому некоторые свои произведения они стремились писать языком, более понятным широкому кругу читателей.

[41] Arakelyan, V. *Essays on the History of the Armenian Literary Language*. — Yerevan, 1981.
[42] Jahukyan, G. *The Development and Structure of the Armenian Language*. — Yerevan: Mitk, 1969.
[43] Ibid.

Мхитар Гераци пишет:

«Ես արարի զսա գեղջուկ և արձակ բարբառով, զի դիւրահաս լիցի ամենայն ընթերցողաց» [44]

— «Я изложил это простым народным и свободным языком, чтобы оно было легко доступно каждому читателю».

Так автор объясняет свой языковой выбор в предисловии к труду «Ջերմաց մխիթարութիւն» — «Утешение при лихорадках», завершённому в 1184 году. Осознавая практическую значимость своего медицинского труда и необходимость сделать его доступным широкому кругу читателей, Мхитар Гераци использовал среднеармянский язык, близкий к живой народной речи. При этом предисловие демонстрирует прекрасное владение автором нормами грабара, тогда как основная часть произведения сознательно написана более доступным языком.

Аналогичную цель преследовал и Смбат Спарапет. В предисловии к своему «Датастанагирку» («Судебнику») он пишет:

«Եվ ես բազում աշխատութեամբ փոխեցի զսա ի հին և ի դժուարաբարբառ և յանհասկանալի գրոց ի մեր հեշտալուր և ի սովորական բառս, ի թուականութեանս Հայոց ՉԺԴ» [45] — «И я с большим трудом переложил это с древнего, трудного и малопонятного языка на наш более лёгкий для восприятия и привычный язык, в 714 году армянского летоисчисления».

Речь идёт о 1265 годе. Подобный языковой выбор был обусловлен практическим назначением «Судебника»: знание законов должно было быть доступно тем, для кого предназначался этот труд.

Смбат Спарапет является также автором «Летописи», посвящённой историческим событиям Армении и Киликийского армянского государства. В этом произведении также заметны особенности языка XIII века.

Для подтверждения языкового разнообразия можно обратиться и к более ранней эпохе — времени создания армянской письменности, — а именно к свидетельствам Корюна, ученика Месропа Маштоца и автора его жития.

Рассказывая о просветительской деятельности Маштоца среди маров, Корюн пишет: «Որք … վասն խեցբեկագոյն և խորշորագոյն լեզուին դժուարամատոյցք էին, առ ի յարդարել և զնոսա հարուստ ամացն ծնունդս, առեալ զպարզախօսս՝ հռետորաբանս, կրթեալս, աստուածատուր իմաստութեանն ծանօթս կացուցանէին» [46] — «Они были труднодоступны не только вследствие своих суровых нравов, но и из-за своего ломаного и грубого языка; однако, взяв простоговорящих людей, их обучали и превращали в образованных, красноречивых людей, знакомых с дарованной Богом мудростью».

О деятельности Маштоца в Сюнике Корюн сообщает: «Եվ ժողովեալ մանկունս առ ի նիւթ վարդապետութեանն, առաւել զգազանամիտ վայրենագոյն զճիւղաբարոյ կողմանցն, և այնչափ փոյթ ի վերայ ունելով և դայեկաբար սնուցանել և խրատել մինչև ի նոցունց իսկ ի վայրենեացն եպիսկոպոս տեսուչս եկեղեցւոյն Սիւնեաց

[44] Heratsi, M. *Consolation of Fevers*. — Moscow, 1832.
[45] Smbat Sparapet. *Datastanagirk (Law Code)*. — Yerevan, 1958.
[46] Koriun. *The Life of Mashtots.* — Jerusalem, 1930. — P. 23.

կարգել»[47] — «Собрав детей для обучения, особенно из наиболее диких и суровых местностей, он с такой заботой воспитывал и наставлял их, словно кормилица, что впоследствии даже из числа этих людей назначил епископа — предстоятеля Сюникской церкви».

Свидетельства Корюна позволяют предположить, что армянский язык V века не был совершенно однородным на всей территории Армении. По этой причине овладение новым литературным письменным языком также не могло быть одинаково лёгким для населения всех областей. Его грамматические и орфографические нормы формировались школой, связанной прежде всего с деятельностью Саака Партева и Месропа Маштоца — двух столпов Армянской церкви и армянского просвещения.

Корюн пишет: «Որ և սկսան իսկ սիւնք եկեղեցւոյ միջամուխ ձեռամբ զգործ աւետարանչացն Քրիստոսի գործել, գումարել ի կողմանս, ի գաւառս ի տեղիս տեղիս Հայաստան ազգին, դասս դասս զաշակերտեալսն ճշմարտութեանն, զհաստատելոցս ի կատարումն գիտութեան, բաւական և առ ի զայլսն զեկուցանելոյ, որոց կանոն և օրինակ զիւրեանց անձանց արգասիս եղեալ, և պատուիրեալ կալ ի նմին կանոնի»[48]— «И тогда сами столпы Церкви приступили к делу проповеди Христа, собирая в различных областях, провинциях и местах Армении учеников истины и доводя их до полноты знания, чтобы они были способны обучать других. Для них примером и правилом служили плоды их собственной деятельности, и им было заповедано придерживаться того же правила».

Распространяя своё учение, Маштоц и его ученики посещали различные области. Естественно, в ходе этих путешествий он непосредственно сталкивался с особенностями местной речи.

Корюн отмечает: «Գրէր, կարգէր և օրինօք յարդարէր»[49] — «Писал, упорядочивал и приводил в соответствие с установленными правилами».

О неоднородности языковой ситуации V века косвенно свидетельствуют и сами произведения Лазаря Парпеци. Косвенно потому, что автор не ставил перед собой специальной задачи описать состояние армянского языка своей эпохи. Его основная цель была иной: он стремился сделать повествование доступным и значимым для широкой аудитории.

Сам Парпеци следующим образом определяет воспитательное назначение исторического произведения: «Որպէս զի զհոգևորացն զբարի վարսն լուեալ բազմութեան ժողովրդոցն՝ նմանողք լինել ցանկասցեն մարդիկ ճգնութեանց նոցա, և քաջքն լսելով զայլոց զգործս և յառաջագոյն քաջացելոցն՝ յաւելեալ յանձանց քաջութիւն՝ անուանի յիշատակ թողցեն զկնի իւրեանց՝ անձանց և ազգի: Իսկ ծոյլքն և վատքն հայելով յանձինս և լսելով զայլոց զպարսաւանս՝ ի բարի նախանձուէ կրթեալք ջանասցեն լաւանալ»[50] — «Чтобы множество народа, услышав о добродетельной жизни духовных лиц, пожелало подражать их подвигам; чтобы храбрые, услышав о деяниях других и о подвигах прежних героев, приумножили

[47] Ibid. — Pp. 29–30.
[48] Ibid. — P. 26.
[49] Ibid. — Pp. 26–27.
[50] Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904. — P. 5.

собственную храбрость и оставили после себя славную память — и о себе, и о своём народе. А ленивые и слабые, взглянув на себя и услышав порицание других, движимые благим соревнованием, стремились стать лучше».

Для достижения этой цели Парпеци стремился, насколько это было возможно, сделать свою речь доступной читателю, допуская отдельные элементы народно-разговорной речи и народного языкового мышления. Однако в V веке в письменной культуре господствовал грабар, а значительные отступления от его норм могли восприниматься как недостаток образования автора. Поэтому Парпеци не мог полностью отказаться от грабара и перейти исключительно к разговорной речи. Он был высокообразованным человеком, получившим образование в том числе в Византии и прекрасно осознававшим значение классического письменного языка.

В последующие столетия, когда расстояние между грабаром и живой речью стало ещё более ощутимым, отдельные авторы, в частности Мхитар Гераци и Смбат Спарапет, сознательно обращались к более доступным народным формам языка. Особенно естественным это было в произведениях практического характера, посвящённых медицине и праву.

Лазарь Парпеци был прекрасно знаком с Библией, неоднократно цитировал её и, по всей видимости, значительную часть библейского текста знал наизусть. Он пишет:

«Որք քաջ գիտեն՝ զսաղմոսն Դաւթի պաշտել միայն պիտոյ է ի ժամուն անսխալ, և ոչ միշտ զգիրսն ի ձեռին ունելով՝ խօսել զայլայլս իբրև զբանդագուշեալս»[51] — «Те, кто хорошо знает Псалтирь Давида, должны безошибочно произносить её во время богослужения, а не постоянно держать книгу в руках и говорить разрозненно, словно в бреду».

Таким образом, Парпеци, получивший образование у выдающихся учёных своего времени и обучавшийся в Византии, спустя всего несколько десятилетий после создания армянской письменности в своих произведениях допускает многочисленные «мирские» элементы, вводя в структуру классического грабара черты, связанные с араратской, гугаркской и другими региональными языковыми традициями. Это обстоятельство также свидетельствует о неоднородности языковой ситуации того времени.

Иначе трудно объяснить наличие в произведениях Парпеци грамматических элементов, нехарактерных для нормативного классического грабара. Подобные отклонения встречаются и у других авторов V века. Например, у Езника Кохбаци, также происходившего из области Айрарат и известного своим чрезвычайно чистым классическим языком, обнаруживаются отдельные формы, близкие к более позднему армянскому языку: «Չի իշխէ խուսափել յընթացից»[52] — «Не может уклониться от установленного хода». «Որ զմարդն ի լաւութեանցն մերկացնել կամեցեալ»[53] — «Который, пожелав лишить человека благ…»

В подобных случаях наблюдаются формы отрицания и каузативные конструкции, а также определённые фонетические чередования, в частности «է – ի».

[51] Ibid. — P. 201.
[52] Koghbatsi, Yeznik. *Refutation of the Sects.* — Constantinople, 1762. — P. 34.
[53] Ibid. — P. 38.

Очевидно, Парпеци не мог перенестись из своей эпохи во второе тысячелетие, освоить современный литературный армянский язык, а затем вернуться в V век и включить его элементы в классический грабар. Напротив, это современный исследователь обращается к глубине веков и, изучая исторические, общественные и языковые явления той эпохи, обнаруживает формы, дальнейшее развитие которых привело к явлениям, известным современному армянскому языку.

Такое исследование позволяет предположить, что ещё до создания армянской письменности население Армении говорило на армянском языке, однако в отдельных областях существовали собственные диалектные и говорные особенности. Грабар же после создания письменности стал общим письменным литературным языком, посредством которого осуществлялись письменная деятельность и обучение.

Даже если условно предположить, что армянские диалекты окончательно сформировались лишь в Средневековье, применительно к Парпеци такое объяснение было бы недостаточным. Он жил по меньшей мере до первых десятилетий VI века, а свою «Историю Армении», по всей вероятности, завершил ещё в конце V века, доведя повествование до утверждения Вагана Мамиконяна марзпаном Армении. Если бы произведение было написано значительно позднее, автор, вероятно, отразил бы и последующую деятельность Вагана, в том числе мероприятия по восстановлению страны. «Послание к Вагану Мамиконяну» было написано ещё раньше, чем «История Армении».

В «Послании» содержится также упоминание об испуганном католикосе, имя которого автор не называет. В данном случае автор исследования связывает этот эпизод с католикосом Бабкеном I, занявшим престол после Ована Мандакуни. При нём Армянская церковь активно выступала против распространения несторианства.

Если обратиться к историческим и географическим условиям Армении, можно заметить, что население отдельных областей на протяжении длительного времени сохраняло местные говоры и диалектные особенности. Географическая изолированность регионов, разделённых горами и ущельями, способствовала сохранению не только особенностей языка, но и элементов материальной и духовной культуры: традиций, блюд, способов приготовления хлеба, личных имён и других региональных особенностей.

Характерным примером может служить Апаранский район, который ещё несколько десятилетий назад представлял собой своеобразную мозаику диалектов и говоров. Одной из причин этого стало переселение армян из Западной Армении после Русско-персидской войны 1826–1828 годов. Отдельные переселенческие сёла вплоть до середины XX века сохраняли язык, обычаи своей «Էրզրի» — «родной страны», а в некоторых случаях даже особенности традиционной одежды и украшений.

Если не учитывать особенно быстрые изменения последних десятилетий, можно отметить устойчивость традиционной культуры армянского населения, особенно сельского. Язык как важнейшая часть духовного наследия, передаваемого из поколения в поколение, отличается высокой степенью устойчивости. Религиозные формы и культы исторически могут изменяться, тогда как национальный язык способен сохранять преемственность на протяжении столетий.

Следует учитывать и особенности исторической географии Армении. Страна формировалась из различных близкородственных племенных и территориальных

групп, которые жили рядом, но часто были разделены горами, ущельями и другими естественными препятствиями. Ограниченность регулярных контактов между отдельными территориями способствовала сохранению местных языковых особенностей и формированию региональных говоров.

Впоследствии, когда Араратская область стала политическим и культурным центром Восточной Армении, местная языковая традиция, постепенно развиваясь и подвергаясь литературной обработке, стала одной из основных баз восточноармянского литературного языка. В Западной Армении и армянской диаспоре важную роль в формировании западноармянского литературного языка сыграла константинопольская армянская языковая традиция. В результате исторического развития сформировались две литературные разновидности современного армянского языка — восточноармянская и западноармянская.

Важным фактором распространения и закрепления той или иной языковой формы всегда была политическая и культурная ситуация. История армянского языка даёт немало подобных примеров. Так, в Средневековье, начиная приблизительно с XII века, наряду с грабаром всё более широкое письменное употребление получает среднеармянский язык, особенно ярко представленный в Киликийской Армении. Политическое и культурное значение Киликийского армянского государства способствовало развитию и распространению этой письменной традиции.

В XVIII веке Саят-Нова создавал значительную часть своих армянских произведений на тифлисском армянском говоре, отражавшем живую языковую среду Тифлиса.

Хачатур Абовян широко использовал в своём творчестве канакерский говор, относящийся к араратской диалектной группе. Перч Прошян обращался к аштаракской речи. Именно араратская диалектная основа сыграла важнейшую роль в становлении восточноармянского литературного языка.

В формировании нового литературного языка значительную роль сыграли также Микаэл Налбандян, Рафаэл Патканян, Степанос Назарян и другие деятели XIX века. Их литературная деятельность отражала различные варианты восточноармянской речи, в том числе языковую традицию армян Новой Нахичевани.

В дальнейшем восточноармянский литературный язык, развиваясь и совершенствуясь, стал языком Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Егише Чаренца, Дереника Демирчяна, Паруйра Севака и других выдающихся представителей новой армянской литературы.

Такое обращение к истории языка представляется необходимым для более полного понимания рассматриваемого явления.

Характеризуя особенности языка Парпеци, необходимо учитывать и художественную природу его «Истории Армении», поскольку именно этим обстоятельством в значительной степени определяется своеобразие авторской речи. В армянской историографии V века ярко выраженным историко-художественным произведением традиционно считается труд Егише «Վասն Վարդանայ և Հայոց պատերազմին» — «О Вардане и войне армян». Однако Егише был не единственным автором своей эпохи, соединявшим историческое повествование с художественными средствами. Произведения Егише и Парпеци свидетельствуют о том, что уже в конце V века возникала потребность представлять переломные события истории народа не

только как последовательность фактов, но и посредством художественного повествования.

Несмотря на историческую тематику труда Парпеци, его повествование нередко достигает высокого художественного уровня. В современном понимании «История Армении» обладает многими признаками историко-художественного произведения. Текст насыщен диалогами, психологическими наблюдениями, размышлениями действующих лиц и яркими художественными описаниями.

Особенно примечательно описание Араратской долины, обладающее значительной исторической, художественной и даже экологической ценностью и отличающееся тонким восприятием природы и красок окружающего мира. В армянской литературе последующих эпох подобная выразительность природных описаний встречается, например, у Раффи, хотя эмоциональная направленность его произведений может быть иной.

У Парпеци заметна и языковая индивидуализация персонажей. Именно в диалогах, размышлениях героев и других подобных фрагментах особенно часто проявляются народно-разговорные элементы, составляющие одну из характерных особенностей его языка. При этом собственно авторская речь в целом сохраняет нормы и высокий стиль классического грабара.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать, что в V веке грабар не был единственным общенародным разговорным языком. Он выполнял прежде всего функции письменного литературного языка и языка обучения. Параллельно с ним существовали различные армянские диалекты и говоры, которыми пользовалось население отдельных регионов. Эта языковая действительность нашла отражение в произведениях Лазаря Парпеци, хотя сам автор и не ставил перед собой специальной задачи описывать языковую ситуацию своей эпохи.

References:

1. Aytinian, A. *Critical Grammar of Ashkharhabar, or the Modern Armenian Language*. — Vienna, 1866.
2. *The Holy Bible: Old and New Testaments*. — Vienna, 1929.
3. Koghbatsi, Y. *Refutation of the Sects*. — Constantinople, 1762.
4. Yeghishe. *On Vardan and the Armenian War*. — Yerevan, 1989.
5. Jahukyan, G. *The Development and Structure of the Armenian Language*. — Yerevan: Mitk, 1969.
6. Faustus of Byzantium. *History of Armenia*. — Yerevan, 1887.
7. Hovhannisyan, H. *Armenian Concordance*. Vol. 6. — Yerevan, 1972.
8. *Armenian–Russian Dictionary*. — Yerevan, 1984.
9. Tumanyan, H. *Collection of Poems*. Vol. 1. — Yerevan, 1988.
10. Koriun. *The Life of Mashtots*. — Jerusalem, 1930.
11. Parpetsi, L. *History of Armenia*. — Tiflis, 1904.
12. Heratsi, M. *Consolation of Fevers*. — Moscow, 1832.
13. Khorenatsi, M. *History of Armenia*. — Tiflis, 1913.
14. *New Dictionary of the Haigazian Language*. — Yerevan, 1979.
15. *History of Shapuh Bagratuni*. — Etchmiadzin, 1921.

16. Raffi. *Samuel*. — Yerevan, 1984.
17. Smbat Sparapet. *Datastanagirk (Law Code).* — Yerevan, 1958.
18. Ukhtanes, Bishop. *History of Armenia. Part Two*. — Vagharshapat, 1871.
19. Arakelyan, V. *Essays on the History of the Armenian Literary Language*. — Yerevan, 1981.

Information about the Authors:
Hovhannisyan Haykanush A. (Yerevan, Armenia) *- a linguist specializing in the Old Armenian language, a researcher at the NAS RA Institute of Language after H. Acharyan in Yerevan, Armenia. https://orcid.org/iD- 0000-0003-2531-2182*

Acknowledgments: *I would like to thank my reviewers.*
Authors' contribution: *The work is solely that of the authors.*